

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ОБОТЕ против РОССИИ»

(Жалоба № 58954/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 11

- Свобода мирных собраний • Разгон флешмоба и административный штраф за несоблюдение требования предварительного уведомления
- Пропорциональность • Неспособность властей проявлять терпимость к мирным собраниям, несмотря на отсутствие какого-либо риска угрозы безопасности или беспорядков

СТРАСБУРГ

19 февраля 2020 года

Настоящее постановление вступило в силу 19 февраля 2020 г. в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОБОТЕ против РОССИИ»

В деле «Оботе против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Пол Лемменс, *Председатель*,

Георгиос А. Сергидес,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Мария Элосеги,

Джилберто Феличи,

Эрик Веннерстром, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

Проведя заседание за закрытыми дверями 22 октября 2019 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 58954/09) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Андреем Делионовичем Оботе (далее — «заявитель») 27 октября 2009 года.

2. Интересы заявителя в суде представлял И. Сиволдаев, адвокат, практикующий в Воронеже. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. О. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Л. Гальперин.

3. Заявитель указал на нарушение его права на свободу собраний.

4. 13 мая 2015 года жалоба была предоставлена Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1986 года рождения, проживает в Можайске, Московской области.

6. 31 января 2009 года заявитель и еще шесть человек решили провести «флешмоб»¹ перед офисом правительства России в Москве.

1. Кембриджский словарь определяет флешмоб как «группу людей, которые договариваются собраться вместе по электронной почте или по мобильному телефону, сделать что-то смешное или глупое и разойтись (<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/flashmob>).

Согласно Руководящим принципам по свободе мирных собраний (второе издание), подготовленным в 2010 году Группой экспертов ОБСЕ/БДИПЧ по свободе собраний,

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОБОТЕ против РОССИИ»

7. Они прибыли туда около часа дня. В тот же день они разместились у Горбатого моста, каждый из них держал в руках чистый лист бумаги, а их рты были заклеены липкой лентой.

8. В 13.20 полиция распорядилась, чтобы группа разошлась. Заявитель попросил сообщить о причинах такого распоряжения. Его доставили в Пресненский РОВД.

9. Заявителю было предъявлено обвинение по пункту 2 статьи 20.2 (нарушение установленного порядка организации или проведения публичных собраний, собраний, демонстраций, шествий или пикетов) Кодекса об административных правонарушениях (далее — «КоАП»), касающегося его участия в публичном собрании, потому что требование предварительного уведомления в соответствии с Федеральным законом о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетах, нет. ФЗ-54 от 19 июня 2004 года («Закон об общественных мероприятиях») не было соблюдено.

10. 11 марта 2009 года мировой судья 378-го округа Пресненского района г. Москвы признал заявителя виновным в совершении административного правонарушения по пункту 2 статьи 20.2 КоАП и приговорил его к штрафу в размере 1000 российских рублей (приблизительно 22 евро (EUR)). Постановление суда в соответствующей части гласило:

«31 января 2009 года в 13:20 [заявитель]... как участник публичного мероприятия [в форме] одиночного пикетирования нарушил установленный порядок проведения публичного мероприятия...

[Заявитель] отрицал свою вину в совершении административного правонарушения... Он осознавал необходимость соблюдения процедуры уведомления при организации публичного мероприятия, но в данном конкретном случае, по его мнению, такое соблюдение не было необходимым, поскольку этот акт не носил политического характера, а был флешмобом, то есть синхронизированным действием нескольких человек... Он уведомил сотрудников полиции, что участники акции не участвовали в публичном мероприятии, а просто фотографировались на мосту, держа в руках чистые листы [бумаги]...

Суд отклоняет доводы [заявителя], поскольку его вина в административном правонарушении... была доказана большинством доказательств, обнаружившихся в ходе судебного заседания...

а также Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия), «[а] флешмоб возникает, когда группа людей собирается на территории в течение короткого времени, выполняет какую-либо форму действия, а затем расходится. Хотя эти мероприятия планируются и организуются заранее, в них не участвует какая-либо официальная организация или группа. Их планирование может происходить при помощи современных технологий (включая переписку сообщениями и в Твиттере). Суть флешмобов заключается в эффекте неожиданности, который мог бы быть испорчен предварительным уведомлением» (<https://www.osce.org/odihr/73405?download=true>).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОБОТЕ против РОССИИ»

...[Заявитель] добровольно и напрямую участвовал в публичном мероприятии в форме одиночного пикетирования, которое нарушало процедуру, установленную [Законом о публичных мероприятиях], и не выполнил законное распоряжение сотрудников полиции завершить одиночное пикетирование.

Суд отклоняет довод [заявителя] касательно того, что деяние не представляло собой публичное мероприятие в форме одиночного пикетирования и что он не участвовал ни в каком публичном мероприятии, поскольку доказательства, собранные по этому делу, свидетельствуют об обратном...»

11. Заявитель подал апелляцию, оспаривая применимость Закона о собраниях к обстоятельствам дела, а также оспаривая наложенный на него штраф.

12. 28 апреля 2009 года Пресненский районный суд г. Москвы оставил постановление от 11 марта 2009 года без изменений. Апелляционное решение, в соответствующей части, звучит следующим образом:

«Суд отклоняет доводы [заявителя] и его адвоката [представленные] в кассационном заявлении, поскольку, по мнению суда, объективная сторона действий [заявителя] в форме его появления 31 января 2009 года около 14:00 среди группы товарищей, [с которыми] они договорились [сделать это] в Интернете, на мосту перед зданием на Краснопресненской набережной, дом 2 в Москве. Они заклеили рот липкой лентой, принесли с собой листы бумаги формата А4 без каких-либо надписей или изображений и присутствовали в течение десяти-пятнадцати минут в этом месте при отсутствии какого-либо разрешения, которое полностью соответствует критериям административного правонарушения, изложенным в пункте 2 статьи 20.2 [КоАП] в форме одиночного пикетирования».

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

13. Краткое изложение соответствующего национального законодательства см. в постановлении Европейского суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» (*Kasparov and Others v. Russia*), жалоба № 21613/07, пункт 35; постановление Европейского суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России» (*Navalnyy and Yashin v. Russia*), жалоба № 76204/11, пункты 43-44; постановление Большой Палаты Европейского Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России» (*Novikova and Others v. Russia*) (жалобы № 25501/07 и 4 другие жалобы, пункты 67-69; и постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*) (жалобы № 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 216-312).

14. Положения Закона о публичных мероприятиях, действующие на тот момент времени и имеющие непосредственное отношение к настоящему делу, изложены ниже.

15. Раздел 2(1) определяет «публичное мероприятие» как открытое, мирное мероприятие, доступное для всех, организованное по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных или религиозных объединений с целью выражения или формирования мнений и свободного озвучивания требований по вопросам, связанным с политической, экономической, социальной или культурной жизнью в стране, а также по вопросам, связанным с внешней политикой.

16. Закон о публичных мероприятиях различает пять видов публичных мероприятий: собрание; митинг; демонстрация; шествие и одиночное пикетирование (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 219).

17. Раздел 2(6) определяет «одиночное пикетирование» как форму выражения общественного мнения, которая не подразумевает шествие или использование звукоусилительного оборудования, в процессе которой один или более граждан с транспарантами, плакатами и другими наглядными материалами собираются возле целевого объекта одиночного пикетирования.

18. В соответствии с разделами 5(4)(1) и 7(1)(3), уведомление о пикетировании с участием нескольких человек должно быть подано не позднее чем за три дня до предполагаемого пикетирования или, если крайний срок приходится на воскресенье или праздничный день, не позднее чем за четыре дня до предполагаемого пикетирования. Уведомление не требуется для «собраний» и одиночных пикетирований с участием одного человека.

19. В соответствии с разделом 7(3), уведомление должно содержать следующие элементы: (а) цель публичного мероприятия; (б) его форма; (в) его место; (г) дата и время его начала и окончания; (д) предполагаемое количество участников; (е) методы, с помощью которых организатор публичного мероприятия намеревается обеспечить поддержание общественного порядка и оказание неотложной медицинской помощи; (ж) полное имя организатора публичного мероприятия, его или ее адрес и номер телефона; (з) полные имена лиц, уполномоченных организатором публичного мероприятия представлять его в ходе публичного мероприятия; (к) дата подачи уведомления.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

20. Заявитель жаловался, что прекращение властями флешмоба и преследование его за совершение административного правонарушения

нарушило его право на свободу собраний, как это предусмотрено в статье 11 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

А. Доводы сторон

1. Доводы Властей

21. Власти Российской Федерации вначале утверждали, что заявитель не претерпел значительного ущерба касательно подпункта (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Они утверждали, что жалоба была «совершенно не связана со штрафом, наложенным на заявителя» (см. решение Европейского Суда от 9 октября 2012 года по делу «Звинкелс против Нидерландов» (*Zwinkels v. the Netherlands*), жалоба №16593/10, пункт 25) и, следовательно, предмета спора не имел никакого финансового влияния. Они также утверждали, что в любом случае штраф, наложенный на заявителя, был небольшим. Заявитель не показал, что административные процедуры имели какое-либо неблагоприятное влияние на него. Вопросы, поднятые в жалобе, были предметом устоявшейся прецедентной практики Суда (см. постановление Европейского суда от 10 июля 2012 года по делу «Берладир и другие против России» (*Berladir and Others v. Russia*), жалоба № 34202/06). Обвинения в совершении административного правонарушения в отношении заявителя были рассмотрены национальными судами в двух инстанциях. Власти Российской Федерации пришли к заключению, что жалобы должны быть объявлены неприемлемыми согласно подпункту (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции.

22. Власти Российской Федерации также утверждали, что действия заявителя полностью соответствовали определению одиночного пикетирования согласно разделу 2 (6) Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». В соответствии с разделом 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», одиночные пикетирования подлежат процедуре уведомления, которая соответствует требованиям статьи 11 Конвенции и преследует цель

предотвращения беспорядков. По мнению властей Российской Федерации, наложение санкций на участника публичного мероприятия за несоблюдение процедуры уведомления является прерогативой государства.

23. Национальные суды отклонили довод заявителя о том, что он не участвовал в пикетировании, поскольку было ясно, что группа людей, стоящих с заклеенными ртами и держащих чистые листы бумаги, фактически проводили демонстрацию у резиденции Власти. Сам заявитель утверждал в национальных судах, что ему было известно о необходимости уведомить власти о планируемом одиночном пикетировании. Кроме того, заявитель намеренно пытался проверить, будут ли его действия рассматриваться в качестве протестной деятельности, нацеленной на провоцирование конфликта. В отсутствие предварительного уведомления о планируемом пикетировании заявитель был подвергнут административному наказанию, установленному в пункте 2 статьи 20.2 КоАП. Штраф, наложенный на заявителя, был соразмерен характеру его преступления.

2. Доводы заявителя

24. Заявитель утверждал, что административное разбирательство против него, повлекшее штраф, представляло собой чрезмерное вмешательство в его право на свободу собраний. Национальные суды не смогли тщательно расследовать соразмерность вмешательства и его связь с какими-либо целями, направленными на защиту общественных интересов.

25. Не соглашаясь с позицией властей Российской Федерации относительно неприемлемости жалобы, заявитель подчеркнул, что, несмотря на то, что административное разбирательство в отношении него было рассмотрено на двух уровнях юрисдикции, в отсутствие эффективного и тщательного расследования и анализа соразмерности невозможно утверждать, что его жалоба по статье 11 Конвенции была «должным образом рассмотрена национальным судом». Заявитель также утверждал, что наложенный на него штраф имел «сдерживающий эффект», который повлияет на его реализацию права на свободу собраний в будущем, и что процедура уведомления в соответствии с Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» создала барьеры, препятствующие участникам мирных собраний реализовывать свои права.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

26. Европейский Суд по правам человека начнет с рассмотрения возражений властей Российской Федерации в соответствии с подпунктом (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции, которая гласит:

«3. Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии с положениями статьи 34, если он сочтет, что:

...

(b) заявитель не понес значительный ущерб, если только принцип уважения к правам человека, как они определены в Конвенции и Протоколах к ней, требуют рассмотрения жалобы по существу и при условии, что не может быть отказано на этом основании в рассмотрении любого дела, которое не было надлежащим образом рассмотрено внутригосударственным судом».

27. Суд счел, что правило, содержащееся в этом положении, состоит из трех критериев. Во-первых, понес ли заявитель «значительный ущерб»? Во-вторых, требует ли уважение прав человека рассмотрения настоящего дела Судом? В-третьих, было ли дело надлежащим образом рассмотрено национальным судом (см. решение Европейского Суда от 28 марта 2017 года по делу «Смит против Соединенного Королевства» (*Smith v. the United Kingdom*), жалоба № 54357/15, пункт 44)?

28. Первый вопрос о том, понес ли заявитель какой-либо «значительный ущерб», является основным. Вдохновленный общим принципом «*претор не занимается пустяками*», этот первый критерий правила основан на предпосылке, что нарушение права, каким бы реальным оно не являлось чисто с правовой точки зрения, должно достигнуть минимального уровня серьезности, чтобы быть гарантированно рассмотренным международным судом. Оценка этого минимального уровня, по своей сути, относительна и зависит от всех обстоятельств дела. Серьезность нарушения должна оцениваться с учетом как субъективных представлений заявителя, так и объективного предмета конкретного дела. Другими словами, отсутствие «значительного ущерба» может быть установлено на основании такого критерия как финансовые последствия рассматриваемого вопроса или значение дела для заявителя. Однако одного лишь субъективного восприятия заявителя недостаточно для того, чтобы прийти к выводу о том, что он/она понес «значительный ущерб». Субъективное восприятие должно иметь под собой объективные основания (см. решение Суда от 6 сентября 2016 года по делу «С.П. против Соединенного Королевства» (*C.P. v. the United Kingdom*), жалоба № 300/11, пункт 42, с дальнейшими ссылками). Нарушение Конвенции может затрагивать важные вопросы принципа

и, следовательно, причинять значительный ущерб в отсутствие материальных интересов (см. решение Европейского суда от 1 июля 2010 года по делу «Королев против России» (*Korolev v. Russia*), жалоба № 25551/05).

29. Рассматривая вопрос о том, понес ли заявитель «существенный ущерб» в обстоятельствах настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что заявитель жаловался на дело об административном правонарушении против него, которое было возбуждено после его участия вместе с шестью другими лицами во флешмобе и привело к штрафу в 22 евро (EUR).

30. Власти Российской Федерации утверждали, что настоящая жалоба «совершенно не связана с наложенным на заявителя штрафом» (см. пункт 21 выше). Суд не может согласиться с этим утверждением по той причине, что национальные суды оштрафовали заявителя за то, что он не уведомил Власти о своем намерении провести одиночное пикетирование. Таким образом, эта мера, в отличие от штрафа, наложенного на заявителя в упоминавшемся выше постановлении по делу «Звинкелс против Нидерландов» (пункты 3 и 6), была напрямую связана с сутью рассматриваемой жалобы.

31. Несмотря на небольшой размер штрафа и отсутствие аргументов, демонстрирующих, что штраф был серьезным для заявителя в свете его личной ситуации, субъективное восприятие предполагаемого нарушения заявителя состояло в том, что он испытал сдерживающее воздействие разбирательств административного нарушения, которое может повлиять на реализацию его права на свободу собраний в будущем (см. пункт 25 выше). Суд напоминает, что право на свободу собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе и, как и право на свободу выражения мнений, является одним из основ такого общества (см., среди прочего, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России» (*Navalnyy v. Russia*), жалобы №№ 29580/12 и 4 другие жалобы, пункт 98). В делах, касающихся свободы собрания, при применении критерия приемлемости, содержащегося в подпункте (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции, следует должным образом учитывать важность этой свободы, и этот вопрос подлежит тщательной проверке Судом (сравните, в контексте статьи 10 Конвенции, решение Европейского суда от 3 июня 2014 года по делу «Сылька против Польши» (*Sylka v. Poland*), жалоба №19219/07, пункт 28; см. также в контексте статьи 11 Конвенции постановление Европейского суда от 10 июля 2012 по делу «Берладир и другие против России» (*Berladir and Others v. Russia*), жалоба №34202/06, пункт 34, а также постановление Европейского суда от 17 октября 2017 года по делу «Ойрю против Турции» (*Öğrü v. Turkey*), жалоба № 19631/12, пункт 18). Учитывая, что против заявителя было возбуждено

административное разбирательство за участие в мирном собрании, предполагаемое нарушение статьи 11 Конвенции в настоящем деле касается, по мнению Европейского суда по правам человека, «важных вопросов принципа». Таким образом, Европейский суд убежден, что заявитель претерпел значительный ущерб в результате административного разбирательства, независимо от материальных интересов, и не считает необходимым рассматривать вопрос о том, побуждает ли соблюдение прав человека рассматривать дело и было ли оно должным образом рассмотрено национальным судом (см., с соответствующими изменениями, постановление Европейского Суда от 7 июля 2015 года по делу «М.Н. и другие против Сан-Марино» (*M.N. and Others v. San Marino*), жалоба № 28005/12, пункт 39).

32. Соответственно, Европейский суд отклоняет возражение Властей в отношении пункта 3 (b) статьи 35 Конвенции.

33. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (a) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалоб

34. Суд рассмотрит это дело в свете общих принципов, касающихся права на свободу собраний, установленных в его прецедентной практике. Данные принципы были недавно обобщены в упоминавшемся выше постановлении по делу «Навальный против России» (пункты 98–103).

35. Несмотря на то, что Власти не оспаривали в Суде утверждение заявителя о том, что имело место вмешательство в его право на свободу мирных собраний, Суд считает целесообразным подчеркнуть следующее. Европейский Суд неизменно рассматривает понятие собрание в качестве самостоятельного принципа (там же). Учитывая формат собрания, который заявитель назвал флешмобом, Суд считает, что он подпадает под понятие «мирное собрание», содержащееся в статье 11 Конвенции. Заявитель намеревался принять участие в этом собрании и никогда не отрицал этого; даже если он не считал их «публичными мероприятиями» или «одиночным пикетированием», требующими уведомления в соответствии с применимым национальным законодательством, он осуществлял свое право на свободу собраний в соответствии со статьей 11 Конвенции. По мнению Суда, разгон собрания и последующие санкции являлись «ограничением» по смыслу второго пункта статьи 11 и, таким образом, вмешательством в его право на свободу мирных собраний, охраняемое первым пунктом настоящей статьи (там же, пункт 108). Таким образом, Суду остается лишь убедиться в том, было ли такое

вмешательство «предусмотрено законом», преследовало одну или более законных целей согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции, и было ли «необходимым в демократическом обществе» для достижения соответствующей цели или целей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*, жалоба № 37553/05, пункт 102, ECHR 2015).

36. Власти сослались на положения Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в качестве правовой основы для обжалования вмешательства и заявили, что они преследовали законную цель предотвращения беспорядков.

37. Европейский Суд по правам человека отмечает, что полиция разогнала собрание, состоящее из семи человек, и заявителю был назначен штраф после административного правонарушения только на том основании, что власти не получили предварительного уведомления об одиночном пикетировании. Власти утверждали, что действия заявителя представляли собой одиночное пикетирование, подлежащее предварительному уведомлению (см. пункт 22 выше). Заявитель подчеркивал как на национальном уровне, так и в Европейском Суде по правам человека, что собрание, в котором он принимал участие, не может рассматриваться как пикетирование в том значении, в котором оно употребляется в рамках Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Таким образом, основное противоречие между сторонами заключается в том, был ли применен Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» к собранию в форме флешмоба — если это не так, заявитель не должен быть наказан за нарушение правил организации одиночного пикетирования в соответствии с пунктом 2 статьи 20.2 КоАП.

38. Европейский Суд по правам человека отмечает, что определение одиночного пикетирования в соответствии с Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (см. пункты 17-18 выше) является обширным, и под него подпадает широкий спектр социальных ситуаций. Любое пикетирование — независимо от того, насколько оно маленькое и короткое, независимо от его цели или контекста и независимо от его способности вызывать нарушения в повседневной жизни — двух или более людей (одиночные пикетирования освобождаются от требования предварительного уведомления), несущих в руках любой объект, который может рассматриваться как «средство визуального выражения», может быть объявлено незаконным, если документ, содержащий длинный список элементов (см. пункт 19 выше), не был представлен властям не позднее, чем за три дня до собрания.

39. Европейский Суд по правам человека уже указывал, что российская нормативно-правовая база, регулирующая публичные собрания, обеспечивает широкое толкование того, что представляет собой собрание, подлежащее уведомлению, и предоставляет властям чрезмерно широкую свободу действий при наложении ограничений на такие собрания посредством жесткого наблюдения (см. упоминавшееся выше постановление Европейского суда по делу «Навальный против России», пункт 150). Независимо от того, подпадает ли собрание в форме флешмоба под действие Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», Европейский Суд по правам человека должен установить, было ли соблюдено право заявителя на мирные собрания. С учетом приведенных ниже выводов нет необходимости решать, было ли вмешательство в право заявителя на свободу собраний «предусмотрено законом» или преследовало одну или несколько законных целей (см., с соответствующими изменениями, постановление Европейского суда от 15 января 2019 года по делу «Мэтэсару против Республики Молдовы» (*Mătășaru v. the Republic of Moldova*), жалобы № 69714/16 и 71685/16, пункт 32). Суд сосредоточится на определении того, было ли нарушение «необходимым в демократическом обществе».

40. Рассматривая необходимость оспариваемого вмешательства в право на свободу собраний в настоящем деле, Суд на основе соответствующих принципов, кратко изложенных в упоминавшемся выше постановлении Европейского суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы» (пункты 142–60), рассмотрит, были ли меры, принятые против заявителя, соразмерны законной цели, на которую ссылаются Власти, а именно «предотвращению беспорядков», и были ли причины, приведенные национальными властями для их оправдания, «уместными и достаточными». При этом он будет оценивать, отвечают ли эти меры насущной социальной потребности.

41. Как подчеркнуто в устоявшейся прецедентной практике Суда, во многих случаях незаконная ситуация, такая как проведение демонстрации без предварительного разрешения, не обязательно оправдывает вмешательство в право лица на свободу собраний. В то время как правила, регулирующие публичные собрания, такие как система предварительного извещения о таковых, являются важными для беспрепятственного проведения общественных демонстраций, так как они позволяют властям свести к минимуму перебои в работе транспорта и принять прочие меры безопасности, их принудительное исполнение не может являться самоцелью. В частности, когда демонстранты не производят насильственных актов, важно, чтобы государственные органы демонстрировали определенную степень толерантности по отношению к мирным собраниям, если свобода

собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не будет лишена своего истинного смысла (там же, пункт 150).

42. Власти предположили, что целью заявителя при организации флешмоба было проверить, будут ли его действия считаться акцией протеста, чтобы спровоцировать конфликт с властями (см. Пункт 23 выше). Для Европейского Суда по правам человека примечательно то, что ничто в действиях заявителя и других участников флешмоба не может быть описано как подстрекательство к насилию или отказ от демократических принципов. Они не делали ничего, что могло бы вызвать беспорядок или нарушение нормальной жизни. Действительно, семь человек, стоящие в тишине с закрытыми ртами скотчем с чистыми листами бумаги в руках, вряд ли представляют угрозу общественному порядку. Таким образом, представляется, что внутригосударственные органы власти не проявили необходимой степени терпимости к мирному собранию, по-видимому, игнорируя то, что Европейский Суд по правам человека подчеркнул во многих делах: исполнение правил, регулирующих проведение публичных собраний, не должно становиться самоцелью (см. упоминавшиеся выше постановление Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», пункт 155, и постановление Европейского Суда по делу «Навальный против России», пункт 144).

43. Признав заявителя виновным в совершении административного правонарушения согласно пункту 2 статьи 20.2 КоАП, мировой судья и Пресненский районный суд не оценили уровень нарушения, вызванного собранием, если таковое было. Они просто отметили, что заявитель не выполнил требование о предварительном уведомлении в отношении социальной ситуации, которая, по их мнению, несомненно, представляла собой одиночное пикетирование (см. пункты 10 и 12 выше) Европейский Суд по правам человека повторяет, что принцип пропорциональности требует, чтобы был соблюден баланс между требованиями целей, перечисленных в пункте 2 статьи 11 Конвенции с одной стороны, и интересами свободного выражения мнений посредством слова, жеста или даже молчания лицами, собранными на улицах или в других общественных местах с другой стороны (см. упоминавшееся выше постановление Европейского суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», пункт 144). Он утверждает, что национальные судебные органы в ходе разбирательств административного правонарушения в отношении заявителя не стремились к достижению этого баланса, придавая преобладающий вес формальной незаконности предполагаемого пикетирования.

44. Суд также отмечает, что ранее он постановил, что правонарушение, указанное в части 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях, следует классифицировать как «уголовное», принимая во внимание общий характер правонарушения,

и с учетом того, что цель санкции имеет карательный и сдерживающий характер, все это является характеристикой уголовной сферы (см. постановление Европейского суда от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против России» (*Mikhaylova v. Russia*), жалоба № 46998/08, пункты 57–69, и упоминавшееся выше постановление по делу «Навальный против России», пункт 79. Соответственно, заявитель подвергался санкциям, которые, хотя и были классифицированы как административные в соответствии с национальным законодательством, являются «уголовными» по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции, таким образом, применяя это положение в его «уголовном» аспекте. Однако мирная демонстрация, в принципе, не должна подвергаться угрозе уголовного наказания и, в частности, лишения свободы. В случаях, когда санкции, примененные к демонстранту, носят уголовный характер, они требуют особого обоснования. Свобода принимать участие в мирном собрании имеет такое значение, что человек не может быть подвергнут наказанию — даже на нижней границе диапазона — за участие в демонстрации, которая не была запрещена, до тех пор, пока это лицо не совершает никаких предосудительных действий (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Навальный против России», пункт 145).

45. Ввиду вышеизложенного Европейский Суд по правам человека не может прийти к выводу о том, что право заявителя на свободу мирных собраний, охраняемое Конвенцией, перевешивалось любыми интересами государства-ответчика в ограничении осуществления этой свободы с целью предотвращения беспорядков. Основания, на которые ссылается государство-ответчик, не соответствовали насущной социальной потребности. Даже если предположить, что они имели отношение к делу, их недостаточно для того, чтобы показать, что вмешательство, в отношении которого подана жалоба, было «необходимым в демократическом обществе» (там же, пункт 146). Несмотря на пределы усмотрения национальных властей, Суд считает, что не было никакого разумного отношения пропорциональности между ограничениями права заявителей на свободу собраний и любой преследуемой законной целью.

46. Таким образом, Суд полагает, что по настоящему делу было допущено нарушение статьи 11 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

47. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутригосударственное право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОБОТЕ против РОССИИ»

устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

48. Заявитель требовал 4 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

49. Власти Российской Федерации утверждали, что права заявителя по Конвенции не были нарушены и что заявленная сумма была чрезмерной.

50. Суд присуждает заявителю указанную сумму в качестве компенсации морального вреда.

В. Расходы и издержки

51. Заявитель не представил никаких требований о возмещении расходов и затрат. Соответственно Суд полагает, что присуждать им какую-либо сумму компенсации в данном пункте нет необходимости.

С. Проценты за просрочку платежа

52. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Отклонил* возражение властей Российской Федерации относительно предполагаемого отсутствия значительного ущерба;
2. *признал* данную жалобу приемлемой;
3. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
4. *постановил*:
 - (а) что власти Государства-ответчика должны выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 4 000 (четыре тысячи) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОБОТЕ против РОССИИ»

- (b) (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной процентной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 19 ноября 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Пол Леменс
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается мнение судей Сергидеса и Дедова.

П.Л.
Й.С.П.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СЕРГИДЕСА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ ДЕДОВ

Единое интегрированное правило приемлемости подпункта (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции

1. Вкратце, факты настоящего дела были следующими. Заявитель вместе с шестью другими лицами организовал флешмоб возле здания правительства в Москве. Полиция разогнала собравшихся и доставила заявителя в отделение полиции. Он был обвинен и признан виновным в административном правонарушении, а именно в нарушении правил проведения публичного мероприятия, поскольку он заранее не уведомил власти о своем намерении провести «пикетирование», вследствие чего был оштрафован на 22 евро. В ходе разбирательства об административном правонарушении заявитель настаивал на том, что флешмоб нельзя считать пикетированием, поскольку собрание не носило политического характера, но его аргумент был отклонен. Заявитель жаловался, что прекращение властями флешмоба и преследование его за совершение административного правонарушения нарушило его право на свободу собраний, как это предусмотрено в статье 11 Конвенции.

2. Власти выдвинули *минимальное* возражение, ссылаясь на пункт 3 (b) статьи 35 Конвенции, который предусматривает следующее:

«3. Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии с положениями статьи 34, если он сочтет, что:

...

(b) заявитель не понес значительный ущерб, если только принцип уважения к правам человека, как они определены в Конвенции и Протоколах к ней, требуют рассмотрения жалобы по существу и при условии, что не может быть отказано на этом основании в рассмотрении любого дела, которое не было надлежащим образом рассмотрено внутригосударственным судом».

Согласно пункту 4 статьи 35 Конвенции, «Суд отклоняет любую переданную ему жалобу, которую сочтет неприемлемой в соответствии с настоящей статьей. Он может сделать это на любой стадии разбирательства».

3. Когда было установлено, что жалоба является приемлемой и что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, постановление было единогласным. Постановление также было единогласным в отношении суммы, присужденной заявителю за моральный вред, а именно 4 000 евро. Цель данного совпадающего мнения состоит в том, чтобы объяснить, как и почему я пришел к выводу о том, что настоящая жалоба является приемлемой, с помощью другого толкования

и анализа подпункта (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции, а не того, которое использовалось в решении.

4. Я решил провести всесторонний и достаточно обширный правовой анализ в данном совпадающем мнении, поскольку указанное положение является относительно новым в Конвенции и требует тщательного толкования. Следует также сказать, что с принятием этого положения ряд жалоб в настоящее время считаются неприемлемыми, хотя ранее их бы не постигла такая участь. Данное положение может оказать влияние на эффективную защиту прав человека, поскольку Конвенция является защитой от любого нарушения прав, охраняемых ею. Поэтому толкование и применение обсуждаемого положения очень важно. Тот факт, что пункт 2 статьи 45 Конвенции был истолкован как не предоставляющий судье право высказывать отдельное мнение в контексте решения, а только в отношении решения, помешал судебному диалогу по подпункту (b) пункта 3 статьи 35 касательно принятия решений о неприемлемости, когда жалобы были отклонены на основании этого нового критерия. Поскольку в данном случае этого не произошло, теперь у меня есть возможность написать особое мнение и попытаться развить свои взгляды относительно толкования и применения данного положения.

1. Три части подпункта (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции

5. Подпункт (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции устанавливает следующие три совокупных части (элемента или условия), которые должны быть выполнены, чтобы заявление было признано неприемлемым:

- (a) заявителю не был причинен существенный ущерб;
- (b) уважение прав человека не требовало рассмотрения дела по существу; и
- (c) дело было надлежащим образом рассмотрено национальным судом.

Пункт 27 постановления представляет эти три части в форме вопросов.

2. Различные интерпретационные подходы к подпункту (b) пункта 3 статьи 35

6. В настоящем деле решение рассматривает жалобу на основании отклонения только первой части подпункта (b) пункта 3 статьи 35 без рассмотрения двух других.

7. Как заявил суд в своем решении от 13 марта 2012 по делу «Нина Васильевна Шефер против России» (*Nina Vasilyevna Shefer v. Russia*), жалоба № 45175/04, пункт 17, «между тремя элементами подпункта (b)

пункта 3 статьи 35 не существует формальной иерархии... Тем не менее, вопрос о том, понес ли заявитель «значительный ущерб», лежит в основе этого критерия приемлемости в то время как остальные два элемента предназначены для использования в качестве защитных положений...». В этом же ключе Харрис, О'Бойл и Уорбрик¹ утверждают, что «здесь нет строгой иерархии или порядка, в котором Суд будет рассматривать все эти части».

8. Действительно, подход Европейского Суда по правам человека был разным, и существует лишь один пример данного решения в постановлении Европейского Суда от 3 апреля 2012 года по делу «Николета Георге против Румынии» (*Nicoleta Gheorgie v. Romania*), жалоба № 23470/05, пункты 24–26, в котором Суд признал жалобу приемлемой после отклонения только второй части подпункта (b) пункта 3 статьи 35; в постановлении Европейского суда от 7 июля 2015 года по делу «М.Н. и другие против Сан-Марино» (*M.N. and Others v. San Marino*), жалоба № 28005/12, пункт 39, о котором говорится в пункте 31 постановления по настоящему делу, Суд признал жалобу приемлемой после рассмотрения первых двух частей указанного положения, но не третьей; в постановлении Европейского суда от 21 мая 2019 года по делу «Андрей Николаевич Савельев против России» (*Andrey Nikolayevich Savelyev v. Russia*), жалоба № 42982/08, пункты 22, 24–35, Суд (Третья секция, как и в настоящем деле) объявил жалобу неприемлемой в соответствии с подпунктом (b) пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции, изучив все три положения данного положения и обнаружив, что все три основания для отказа в удовлетворении заявления в соответствии с вышеуказанным критерием приемлемости были удовлетворены.

3. Подход настоящего судебного решения:

9. Соответствующая часть решения, объясняющая, почему приемлемость основана только на первом аспекте подпункта (b) пункта 3 статьи 35 — это пункт 31:

«31. Хотя размер штрафа был действительно небольшим, и заявитель не выдвинул никаких аргументов, доказывающих, что штраф имел для него значение в свете его личной ситуации, его субъективное восприятие предполагаемого нарушения заключалось в том, что он испытал сдерживающее воздействие разбирательств об административном правонарушении, которое в будущем может повлиять на реализацию его права на свободу собраний... Суд напоминает, что право на свободу собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе и, как и право на свободу выражения мнений, является одним из основ такого общества... В делах, касающихся свободы

1. См. «Право Европейской конвенции по правам человека» Харриса, О'Бойла и Уорбрика, 4 издание, Оксфорд, 2018, стр. 78 (подчеркивание добавлено).

собрания, при применении критерия приемлемости, содержащегося в подпункте (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции, следует должным образом учитывать важность этой свободы, и этот вопрос подлежит тщательной проверке Суда. Учитывая, что против заявителя было возбуждено административное разбирательство за участие в мирном собрании, предполагаемое нарушение статьи 11 Конвенции в настоящем деле касается, по мнению Европейского суда по правам человека, «важных вопросов принципа». Таким образом, Европейский суд убежден, что заявитель претерпел значительный ущерб в результате административного разбирательства, независимо от материальных интересов, и не считает необходимым рассматривать вопрос о том, побуждает ли соблюдение прав человека рассматривать дело и было ли оно должным образом рассмотрено национальным судом...».

10. На основании вышеизложенного Европейский Суд отклонил возражение властей Российской Федерации по подпункту (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции (см. Пункт 32 решения).

4. Предлагаемый подход – целостный и последовательный подход

11. Сейчас я попытаюсь объяснить, каким, на мой взгляд, является наиболее подходящий способ толкования и применения подпункта (b) пункта 3 статьи 35. Я придерживаюсь подхода, которого придерживался Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу «Андрей Николаевич Савельев против России», а именно, что все части указанного положения должны быть рассмотрены в совокупности. Однако ниже я постараюсь обосновать целостный и последовательный подход, поскольку в деле «Андрей Николаевич Савельев против России» не было дано никаких оснований для изучения всех частей данного положения, и там не предлагалось рассмотрение всех частей вместе как единого правила, как это сейчас предполагается в настоящем мнении.

12. Несмотря на то, что вторая и третья части подпункта (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции сформулированы как положения о принятии первой части, на мой взгляд, все три части состоят из частей того же интегрированного правила, что и элементы толкования в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров (VCLT), которая, когда «брошенный в тигель» рассматривается Комиссией международного права и Судом как единое целое, единое и комплексное или объединенное правило или процесс интерпретации².

13. Единый и целостный анализ подпункта (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции, объединяющий все части, а не отдельный анализ каждой,

2. См. том II Ежегодника Комиссии по международному праву за 1966 год, стр. 219–20, пункт 8; *постановление Европейского суда от 26 февраля 1975 года по делу «Голдер против Соединенного Королевства»*, жалоба № 4451/70, пункт 30 (пленарное заседание).

оправдан по многим причинам. Немедленно будет указана одна причина, а именно тот факт, что все три основания должны быть удовлетворены, прежде чем жалоба может считаться неприемлемой, что свидетельствует о том, что все они являются обязательными элементами для приемлемости заявления. Я утверждаю, что этот подход необходим для того, чтобы отвергнуть это основание недопустимости, т.е. заключая, что дело является допустимым. В настоящем деле Европейский Суд утверждает, что, как только первый критерий приемлемости не будет соблюден, нет необходимости исследовать другие, но целостный подход, который я предлагаю, является не только средством предотвращения необоснованного вывода о неприемлемости, но и также средством усиления любого отклонения такого заключения путем обеспечения эффективности. Другие причины будут объяснены позже, после первого изучения истории разработки и цели данного положения.

(а) История составления и цель подпункта (b) пункта 3 статьи 35 — компромисс между двумя принципами

14. Новый критерий приемлемости «отсутствие значительного ущерба» был введен в Конвенцию Протоколом № 14, который вступил в силу 1 июня 2010 года.

15. Из пунктов 39 и 77–85 Пояснительного доклада к Протоколу № 14 «О защите прав человека и основных свобод, вносящего изменения в Контрольный механизм Конвенции», особенно из пунктов 78 и 81–83, указанных ниже, очевидно, что части рассматриваемого положения и, в более общем смысле, его формулировка были результатом своего рода компромисса между: (а) сохранившейся эффективностью Европейского Суда по правам человека и предотвращением паралича системы Конвенции из-за перегрузки и увеличения числа рассматриваемых дел и (b) эффективная защита прав человека в заслуживающих внимания делах:

«78. Создание вышеуказанного критерия было признано необходимым ввиду постоянно растущей нагрузки на Суд. В частности, необходимо было предоставить Суду определенную степень гибкости в дополнение к той, которая уже предоставляется существующими критериями приемлемости, толкование которых закрепилось в прецедентной практике Суда, формировавшейся на протяжении нескольких десятилетий, что обуславливает сложность его изменения. Это так, поскольку вполне вероятно, что число индивидуальных жалоб, подаваемых в Суд, продолжит расти, и в определенный момент даже те меры, которые предусматриваются настоящим протоколом, не смогут предотвратить полный «паралич» системы Конвенции, которая более не сможет выполнять свою главную задачу по обеспечению правовой защиты на европейском уровне, что, в свою очередь, приведет к тому, что право на подачу индивидуальной жалобы станет иллюзорным на практике».

«81. Второй элемент представляет собой защитную оговорку о том, что, даже если заявитель не понес значительного ущерба, жалоба признается

неприемлемой лишь тогда, когда принцип уважения прав человека, как они определены в Конвенции и протоколах к ней, не требует ее рассмотрения по существу. Формулировка этого элемента была взята из второго предложения пункта 1 статьи 37 Конвенции, где он выполняет аналогичную функцию в контексте решений об исключении жалоб из списка подлежащих рассмотрению дел Суда.

82. Вторая защитная оговорка прилагается к первой. Суд не вправе отклонить жалобу на основании ее незначительного характера, если дело не было надлежащим образом рассмотрено внутригосударственным судом. Этот пункт, являющийся отражением принципа субсидиарности, гарантирует, что, для целей применения нового критерия приемлемости, каждое дело будет рассмотрено судом, будь то на национальном или на европейском уровне.

83. Формулировка нового критерия, таким образом, предназначена для того, чтобы избежать отклонения дел, требующих рассмотрения по существу. Как объяснялось в пункте 39 выше, последняя категория дел будет включать себя, в частности, дела, в которых, невзирая на их несущественный характер, поднимаются серьезные вопросы, затрагивающие применение или толкование положений Конвенции или важных вопросов, касающихся национального законодательства».

16. В целях составления истории упомянутого критерия приемлемости и лучшего понимания вышеупомянутого компромисса следует отметить, что первоначальное предложение Руководящего комитета по правам человека (РКПЧ)³ по составлению подпункта (b) пункта 3 статьи 35⁴ гласило:

«3. Суд объявляет неприемлемым любое индивидуальное заявление, поданное в соответствии со статьей 34 Конвенции

...

(b) если заявитель не понес значительного ущерба и если дело не поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера.

17. В пояснительной записке (озаглавленной «доводы»), сопровождающей это предложение, разъясняется следующее⁵:

«Это предложение полностью соответствует принципу субсидиарности, который лежит в основе всего механизма контроля, созданного в соответствии с Конвенцией, поскольку в первую очередь национальные власти должны защищать права, гарантированные Конвенцией. Это предложение:

а) позволит Суду, когда он сочтет это необходимым, сначала рассмотреть вопрос об условиях приемлемости в соответствии с этим новым требованием, а

3. См. Руководящий комитет по правам человека (РКПЧ), «Гарантия долгосрочной эффективности Европейского Суда по правам человека» — Заключительный отчет, содержащий предложения РКПЧ, принятые РКПЧ 4 апреля 2003 года (РКПЧ (2003) 2006 Окончательный вариант), 6–7.

4. (РКПЧ (2003) 2006 Окончательный вариант), стр. 12–13.

5. Там же, стр. 13.

затем, при необходимости, рассмотреть оставшиеся условия приемлемости, что сэкономит время;

б) не влечет за собой существенного ограничения судебной защиты лица и позволяет отказывать в удовлетворении заявлений, которые не представляют интереса с общей точки зрения защиты прав человека. Это, в частности, означает, что «дела-клоны» могут быть отклонены только в случае отсутствия значительного ущерба, который мог бы повлиять на заявителя; и

в) тем самым позволяет Суду сосредоточиться на наиболее важных делах.

Это новое требование приемлемости будет направлено на отказ в удовлетворении дел, которые рассматриваются как «незначительные», согласно с принципом по которому судьи не должны рассматривать такие дела (*‘De minimis non curat praetor’*). Первая оценка, проведенная исследовательской группой реестра Суда, как правило, показывает, что введение этого требования будет иметь ограниченное, но определенное влияние на рабочую нагрузку судей и реестра. Это предложение также сэкономило бы реестру значительное количество времени в каждом случае, когда оно было бы применено.

...

Однако то, стоит ли принимать это предложение или нет, является важным политическим решением, поскольку нельзя отрицать, что оно фактически повлечет за собой некоторое ограничение доступа человека к Суду».

18. Как ясно из пункта 81 пояснительного доклада к Протоколу № 14, окончательная формулировка второй части данного положения, то есть соблюдение критерия прав человека, была взята из идентичного основания для исключения заявлений в соответствии с пунктом 1 статьи 37 Конвенции. Как справедливо утверждает профессор Уильям Шабас⁶, «здесь [то есть в пункте 1 статьи 37 Конвенции] он [критерий] выполняет аналогичную функцию в контексте решений об исключении заявок из списка. Этот же критерий также используется в статье 39 (1) в качестве основы для дружественного урегулирования между сторонами»⁷.

19. Идея сохранения эффективности Суда, и, тем самым, долгосрочной эффективности Суда, отражена в первой части статьи подпункта (b) пункта 3 статьи 35, и идея эффективной защиты прав человека (принцип эффективности) отражены во второй части положения. Кроме того, принцип субсидиарности, о котором говорилось в вышеупомянутом пояснительном докладе и примечании, был отражен в третьей части данного положения. Третий критерий будет отменен статьей 5 Протокола № 15⁸, которая может вступить в силу в ближайшее время, но это никак не повлияет на настоящее дело.

6. см. Европейская конвенция о защите прав человека — комментарий Уильяма Шабаса, Оксфорд, 2015.

7. Там же, стр. 784.

8. Поскольку статья 2 Протокола № 15 будет включать принцип субсидиарности в преамбулу к Конвенции, третья часть рассматриваемого положения больше не потребуется.

Следует уточнить, что я использую принцип эффективности в данном мнении, так как я вижу его в качестве его двух взаимосвязанных качеств, а именно в качестве метода или инструмента толкования и нормы международного права (посредством чего положение Конвенции является эффективным и рассматривается как таковое)⁹.

20. По моему скромному мнению, принцип эффективности, который должен также применяться на этапе приемлемости¹⁰, в целом подрывается имеющимся положением. Однако этот принцип регулируется: (а) в определенной степени в первой части, сохраняя те заявления, в которых заявитель претерпел серьезный ущерб, из-за того, что его не признали неприемлемым; и (б) в большей степени во второй части, поскольку эта часть требует уважения прав человека. Таким образом, принцип меньше подрывается, если все части рассматриваются вместе как единое целое. В том же духе Харрис, О'Бойл и Уорбрик справедливо утверждают, что «последние две части были введены в качестве «защиты» от чрезмерного применения критерия...»¹¹.

21. Приведенный выше исторический довод касающийся цели данного положения и, в частности, компромисса между двумя принципами, является еще одним убедительным аргументом в пользу того, что указанное положение следует рассматривать как единое целое и как единое правило приемлемости.

(б) Довод, взятый из критики подпункта (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции

22. Цель составителей Протокола № 14, а именно обеспечить долгосрочную эффективность Суда и Конвенции, ясна не только из пункта 78 его Пояснительного доклада (цитируется выше), но и по всему отчету, особенно из его введения¹², а также из заголовка доклада РКПЧ «Гарантирование долгосрочной эффективности Европейского суда по правам человека». Несмотря на благое намерение, негативная критика первоначального проекта положения (цитируемого выше) была довольно жесткой, как видно из следующего примечания к Заключительному отчету РКПЧ:

9. См. Георгиос А. Сергидес, «Принцип эффективности в Европейской конвенции о правах человека, в частности его связь с другими принципами Конвенции», 30, «Ежегодник Международного Суда» за 2017 год, 1, на стр. 2, 5–6.

10. См. пункты 40-43 ниже.

11. См. процитированную выше публикацию Харриса, О'Бойла и Уорбрика, стр. 77.

12. См. пункт 2 (введение): Десять лет спустя, когда практически все европейские страны стали участниками Конвенции, возникла острая потребность отрегулировать этот механизм и, в особенности, гарантировать продолжительную эффективность Европейского Суда по правам человека (далее — «Суд»), чтобы он и далее играл преимущественную роль в защите прав человека в Европе.

«Несколько членов РКПЧ высказали серьезные оговорки в отношении предложения о включении данного нового требования приемлемости и поставили под сомнение необходимость его применения по юридическим и практическим причинам. ...

Они придерживаются мнения, что новое требование приемлемости также будет иметь негативные последствия с точки зрения защиты прав человека в целом и может перенести соответствующие дела под правозащитные механизмы Организации Объединенных Наций.

Они приходят к заключению, что предложенная поправка резко подорвет принцип права на индивидуальное применение. Её влияние может быть скорее отрицательным, чем положительным даже в долгосрочной перспективе.

Неправительственные организации, национальные учреждения по продвижению и защите прав человека и эксперты, приглашенные на консультативное совещание, организованное Исследовательской группой РКПЧ 17–18 февраля 2003 года, также выразили свое четкое возражение в отношении принципа ограничения права на подачу индивидуальной петиции».¹³

23. Несмотря на то, что первоначальное предложение в конечном итоге было изменено для того, чтобы включить во вторую часть положения «уважение прав человека», данная критика нового положения все еще остается обоснованной. Никос Вогиатзис¹⁴ красноречиво доказывает следующее:

«Утверждается, что новое положение противоречит принципу доступности международного правосудия для людей. Таким образом, это положение подрывает право на подачу индивидуальной петиции в Страсбургский суд, право, которое изменило европейский правовой порядок и способствовало сохранению легитимности ЕСПЧ. Соответственно, новый критерий

13. См. примечание 3 Руководящего комитета по правам человека (РКПЧ) на стр. 14, «Гарантия долгосрочной эффективности Европейского Суда по правам человека» — Заключительный отчет, содержащий предложения РКПЧ, принятые РКПЧ 4 апреля 2003 года (РКПЧ (2003)2006 Окончательный вариант).

14. См. «Критерий приемлемости согласно подпункту (b) пункта 3 статьи 35 ЕСПЧ» Никоса Вогиатзиса: «‘Значительный ущерб’ в отношении защиты прав человека», в 65 томе «Ежеквартального Международного и сравнительного права», январь 2016 года, стр. 185–211. Часть названия статьи после двоеточия свидетельствует о его серьезной критике данного положения с использованием терминологии самого положения. См. также критику положения Костаса Параскева «Взаимосвязь между внутренним осуществлением Европейской конвенции о правах человека и текущими реформами Европейского Суда по правам человека (с учетом тематического исследования по Кипру и Турции)», Антверпен-Оксфорд-Портленд, 2010, стр. 51–58; Лео Цваак и Тереза Качия: «ЕСПЧ: История успеха?» в «Кратко о правах человека», 2004 год, том 11, выпуск 3, 32, стр. 35; Пьетро Сардаро, «Индивидуальные жалобы», в редакции Пола Лемменса и Ваутера Вандерхола, Протокол 14 и Реформа ЕСПЧ, Антверпен-Оксфорд, 2005, 45, стр. 67; и Роберт Хармсен, «ЕСПЧ как Конституционный Суд: Определяющие дебаты и динамика реформ», конференция памяти Стивена Ливингстона, Королевский университет, Белфаст, 7 и 8 октября 2005 года. См. также, для благоприятной оценки нового критерия, Луциус Вайлдхабер «Конституционное будущее для ЕСПЧ», в журнале «Право прав человека», 2002 год, том 23, № 5–7, 161, стр. 164.

представляет собой неправильное понимание вспомогательного принципа: хотя миссия Совета Европы, несомненно, состоит в том, чтобы побуждать национальные власти и суды, в первую очередь, предотвращать или предоставлять информацию о нарушениях, это, тем не менее, не означает, что Суд должен отказать в правосудии в качестве последней инстанции. Кроме того, введенный метод в некоторой степени проблематичен, поскольку предполагает оценку существа дела до принятия решения о приемлемости в уязвимых областях судебных разбирательств по правам человека. Наконец, прецедентная практика, касающаяся толкования подпункта (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции, ЕСПЧ в первые годы своего существования, предполагает, что Европейский суд может в первую очередь сосредоточиться на финансовом ущербе, понесенном заявителем до обращения в Страсбург, тем самым косвенно приступив к некоторой форме классификации прав ЕСПЧ».¹⁵

«Утверждается, что, хотя эти аргументы имеют смысл, право на индивидуальную петицию не может быть «принесено в жертву». Это право сохраняет легитимность ЕСПЧ в глазах заявителей, сохраняя важность с точки зрения верховенства закона ...»¹⁶

«Кроме того, можно утверждать, что, поскольку Конвенция гарантирует минимальные стандарты защиты, она представляется несовместимой с «европейской философией защиты прав человека» и не может предоставить Суду право по своему усмотрению не рассматривать дела, в которых заявитель не столкнулся со значительным ущербом».¹⁷

Пояснительный доклад подчеркивает, что «формулировка нового критерия, таким образом, предназначена для того, чтобы избежать отклонения дел, требующих рассмотрения по существу». И все же в том же докладе говорится, что «Применение нового критерия может привести к признанию неприемлемыми некоторых дел, по которым, в его отсутствие, могли бы быть вынесены постановления». Эти два предложения представляются в некоторой степени противоречивыми, но есть дополнительное уточнение: «Однако главным эффектом, вероятно, будет то, что в более долгосрочной перспективе это позволит быстро избавиться от невыгодных дел». Термин «неоправданный», что означает «тот, который не стоит проверять», не означает, что нарушения не было. Напротив, это подразумевает, что, хотя нарушение и могло иметь место, Суд может принять решение не рассматривать его, поскольку ущерб, нанесенный заявителю, не был «значительным». Но не означает ли это, что ЕСПЧ продолжит рассмотрение дела по существу ... до принятия решения о приемлемости? Как иначе можно оценить «значимость» недостатка, прежде чем исследовать рассматриваемое право, факты данного дела, поведение национальных властей, национальное законодательство и, в конечном итоге, понесенный ущерб, и, возможно — что важно — применять тест на соразмерность?»¹⁸

24. На мой взгляд, приведенная выше критика помогает, в частности, поддержать предлагаемое предложение о прочтении данного положения в целом, в качестве единого и тесно интегрированного правила приемлемости. Это связано с тем, что,

15. Там же, стр. 187.

16. Там же, стр. 194.

17. Там же, стр. 198.

18. Там же, стр. 199.

рассматривая положение в целом, принцип доступа к Суду и принцип эффективности подрываются не так сильно. Это объясняется ниже. Кроме того, нужно быть прагматичным и принимать положение таким, как оно есть, следуя предложенному целостному подходу, имея в виду в качестве постоянного напоминания цель положения и компромисс содержащихся в нем принципов.

(с) Принцип *de minimis* (принцип мелочей) требует изучения первых двух частей вместе.

25. Принцип *de minimis non curat praetor* («претор не заботится о мелочах») изложен в статье подпункте (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Однако способ, которым она сформулирована — с двумя оговорками, отрицательной формулировкой первой части и двойной отрицательной формулировкой третьей части, затрудняет понимание положения.

26. Степень тяжести первой части выше, чем принцип *de minimis*, и это само по себе не соответствует принципу эффективности: Я утверждаю, что если рассматривать первую часть отдельно, а не вместе со второй, то первая не может быть ограничена принципом *de minimis* и должна быть шире, чем в том понимании, что она может отказывать в удовлетворении недопустимых жалоб, которые не являются существенными, но тем не менее не являются незначительными. Негативная формулировка фразы «не пострадал от значительного ущерба» в подпункте (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции шире, чем положительная формулировка той же фразы, например «страдает от незначительного ущерба». Чтобы быть более точным, «отсутствие значительного ущерба» может означать страдания от несущественного или незначительного, небольшого, умеренного или любого более низкого уровня или степени ущерба, чем значительный ущерб. Тем не менее, фраза в положительной формулировке, такой как «страдать от значительного ущерба», не охватывает небольшой или умеренный ущерб, а только несущественный, слишком маленький или незначительный, что соответствует принципу *de minimis*.

27. Короче говоря, в моем представлении, то, что не является значительным, не обязательно является незначительным, поскольку между этими двумя мерами может быть много других мер или нюансов более низкой или более высокой степени важности. Следовательно, если рассматривать только одну часть, то некоторые мелкие, средние или не очень серьезные нарушения прав человека могут считаться недопустимыми, что противоречит принципу эффективной защиты прав человека, который не проводит различия между нарушениями в зависимости от степени страдания, если нарушение не является, конечно, несущественным (кроме случаев, когда речь идет о статье 3, в которой проводится различие между

тремя видами жестокого обращения). В конце концов, в каждом деле главный вопрос заключается в том, имело ли место нарушение какого-либо положения Конвенции, и предварительный вопрос о приемлемости не может прекратить процесс рассмотрения других нарушений, кроме вмешательства, которое действительно незначительно.

28. Тем не менее, если кто-то рассматривает первую часть в совокупности со второй, таким образом, учитывая, что уважение прав человека может потребовать рассмотрения дела по существу, сфера действия первой части может быть ограничена второй частью только в мелочах, и, таким образом, реализовать принцип *de minimis*.

29. Можно сделать вывод, что еще одна причина, по которой первые две части должны быть рассмотрены вместе, заключается в том, что только тогда будет гарантирована применимость принципа *de minimis*. В ином случае жалоба может быть признана неприемлемой из-за незначительного ущерба, что может противоречить принципу доступа к Суду и принципу эффективности. Такой результат может представлять собой регресс защиты прав человека и, следовательно, не соответствовать цели Совета Европы, изложенной в преамбуле к Конвенции, а именно «поддержанию и дальнейшей реализации прав человека и основных свобод». Между двумя толкованиями рассматриваемого положения, а именно целостным и частичным, следует отдавать предпочтение тому, что не приводит к вышеуказанным результатам, а именно первому.

(d) Требование логики: рассмотрение всех частей по существу под эгидой принципа «при отсутствии доказательств противного»

30. Единое и целостное рассмотрение подпункта (b) пункта 3 статьи 35 также оправдано логикой, поскольку неверно утверждать, что заявитель субъективно и объективно не испытал значительный ущерб¹⁹, не проверяя при этом, требует ли уважение его или ее прав рассмотрения заявления по существу. Неправильно утверждать, что уважение прав человека требует рассмотрения жалобы по существу без учета того, какой ущерб потерпел заявитель и какое влияние это оказало на него. Наконец, неверно утверждать, что «дело» не было должным образом рассмотрено национальным судом без использования принципа «при отсутствии доказательств противного» при рассмотрении обстоятельств дела.

19. О двойном рассмотрении ущерба, субъективном и объективном, см. пункт 28 упоминавшегося выше приговора, вынесенного Уильямом А. Шабасом, на стр. 783–784; Карен Рид, «Практическое руководство по Европейской конвенции о правах человека», 6-е издание, Лондон, 2019 год, стр. 58; упоминавшаяся выше публикация Харриса, О'Бойла и Уорбрикана, с. 78.

31. Как было показано выше, первая часть может повысить эффективность Суда, тем самым повысив его долгосрочную эффективность, но может также подорвать принцип эффективной защиты прав человека, применяемый в конкретном случае. Однако вторая часть, которая основана на принципе эффективности, может препятствовать подрыву упомянутого принципа первой частью, учитывая, когда и в какой степени это делает первая часть. Можно утверждать, что вторая часть уравнивает долгосрочную эффективность Суда путем практического и эффективного применения соответствующего положения Конвенции в конкретном случае.

32. Таким образом, если рассматривать две части надлежащим образом, а также учитывать третью часть, которая основана на принципе субсидиарности (см. пункт 82 упомянутого выше Пояснительного доклада), то и эффективность Суда, и принцип эффективности, и принцип субсидиарности могут быть удовлетворены. Однако, как было сказано выше, третья часть будет упразднена с вступлением в силу Протокола № 15.

33. Все части требуют использования принципа «при отсутствии доказательств противного» по существу, что ставит их в один ряд в процессе такого рассмотрения.

34. В соответствии с вышеизложенным приводится Практическое руководство Суда по критериям приемлемости²⁰, подготовленное его Секретариатом и размещенное на веб-сайте Суда, где есть основания неприемлемости «без значительного ущерба»²¹, а также «явно необоснованные» основания неприемлемости²² (из подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции), которые классифицируются и рассматриваются под заголовком «неприемлемость по существу»²³.

35. Исходя из последней выдержки статьи Никоса Вогиатзиса²⁴, процитированной в пункте 23 выше, видно, что Суд, рассматривая данное положение, также принимает участие в рассмотрении дела. Он обосновывает это, ссылаясь на прецедентную практику Суда и, в частности, на постановление Европейского суда от 4 декабря 2012 года по делу «Мегальская против Польши» (*Megalska v. Poland*), жалоба № 10368/05, пункт 64, где Суд решил применить критерий приемлемости подпункта (b) пункта 3 статьи 35 к существу дела²⁵:

«Примечательно, что существующая прецедентная практика в отношении нового критерия уже демонстрирует явное признание Судом этого слияния

20. Обновлено 31 августа 2019 года. См. также процитированную выше публикацию Никоса Вогиатзиса, на стр. 201.

21. См. процитированное выше Руководство, на стр. 67–77.

22. Там же, стр. 61–62.

23. Там же, стр. 61.

24. См. процитированную выше публикацию Никоса Вогиатзиса, на стр. 199.

25. Там же, стр. 200.

между приемлемостью и существом дела. В частности, когда на карту поставлен вопрос соразмерности, Суд, кажется, решает совместно рассматривать вопрос о приемлемости и по существу. Например, в постановлении по делу «Мегальская против Польши», пункт 64, Суд разъяснил, что

«предполагаемое отсутствие значительного ущерба неразрывно связано с оценкой Суда пропорциональности жалобы, в частности, с вопросом о том, понесла ли заявительница вследствие отзыва ее пенсии «чрезмерное бремя» для целей статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Таким образом, аргумент Властей [о применении критерия «значительного ущерба»], по мнению Суда, более уместно будет рассмотрен на этапе по существу».

36. На мой взгляд, Суд в настоящем деле, рассматривая первую часть данного положения, также рассматривал дело по существу. В пункте 31 постановления говорится, что «предполагаемое нарушение статьи 11 Конвенции в настоящем деле касается, по мнению Суда, ‘важных вопросов принципа’»²⁶. Но Европейский суд не может решить, затрагивает ли данное дело важные вопросы принципа, без предварительного рассмотрения дела по существу с использованием принципа «при отсутствии доказательств противного». Эта фраза, а именно «важные вопросы принципа», используемая в настоящем постановлении, аналогична фразе, использованной в первоначальном предложении по проекту подпункта (b) пункта 3 статьи 35, таким образом, «серьезный вопрос, влияющий на толкование или применение Конвенции или протоколов к ней ... является серьезным вопросом общего значения»²⁷. Однако следует помнить, что эта фраза первоначального проекта находилась во второй части статьи, которая впоследствии была заменена фразой «уважение прав человека» в окончательном варианте проекта, причем финальный вариант первой части этого положения одинаков как на стадии проекта, так и в первоначальном виде.

37. Из пунктов 42–43 настоящего постановления, касающихся существа дела, ясно (после того, как было установлено, что жалоба является приемлемой), что «дело» не было «должным образом» рассмотрено национальными судами, особенно если Термин «дело» в подпункте (b) пункта 3 статьи 35 Конвенции считается жалобой по Конвенции в Суде. В частности, в пункте 42 говорится, что национальные суды в ходе разбирательства по делу об административном правонарушении в отношении заявителя, с одной стороны, не пытались найти баланс между требованиями целей, перечисленных в пункте 2 статьи 11 Конвенции, а, с другой стороны,

26. См. также постановление Европейского суда от 13 сентября 2011 года по делу «Живич против Сербии» (*Živić v. Serbia*), жалоба № 37204/08, пункт 41, в котором Суд также установил, что, даже допуская, что заявителю не был причинен значительный вред, дело затрагивает вопросы, представляющие общий интерес, требующий рассмотрения.

27. См. полный текст предложения в пункте 16 выше.

также не учитывали свободу выражения мнений словом, жестом или даже молчанием лицами, собравшимися на улицах или в других общественных местах. Они придавали преимущественный вес формальной незаконности предполагаемой статической демонстрации. Это показывает, что то, что Суд установил на стадии рассмотрения дела по существу, также можно было найти на стадии приемлемости в качестве доказательства «при отсутствии доказательств противного» в подтверждение своего вывода о приемлемости жалобы²⁸.

38. Суд в настоящем деле ссылается (с одобрением) на упоминавшееся выше постановление Европейского суда по делу «М.Н. и другие против Сан-Марино». Тем не менее, как уже было сказано выше, в этом деле Суд рассмотрел первые две части подпункта (b) пункта 3 статьи 35, но тем не менее Суд в настоящем деле не использовал этот подход, поскольку рассмотрел только первую часть.

39. Можно сделать вывод, что, поскольку как первая, так и вторая части положения необходимы при рассмотрении дела, то более логично сопоставлять первые две части вместе, принимая во внимание тот факт, что вторая часть может ограничивать первую, дабы предотвратить подрыв принципа эффективности и принципа доступности Суда.

В случае сомнений, должен преобладать принцип эффективности для рассматриваемого случая, а не долгосрочная эффективность Конвенции.

40. В случае если есть какие-либо сомнения относительно того, является ли жалоба приемлемой или нет — что, очевидно, не применимо в настоящем деле, — следуя принципу эффективности, презумпция невиновности должна идти в пользу приемлемости жалобы, а не её неприемлемости, и, в конечном итоге, в пользу права и предполагаемой жертвы. Это один из аспектов принципа эффективности, который также отражен в принципе *in dubio pro juris/pro libertatae/pro persona*, а также в принципе *ut res magis valeat quam pereat*.

41. Этот аспект принципа эффективности, применяемый более широко в международном праве²⁹, должен, на мой взгляд, применяться

28. См. также пункт 35 выше.

29. См. по этому принципу: Герш Лаутерпахт, «Ограничительная интерпретация и эффективность в толковании договоров», в *BYIL* 1945 года, 48, на стр. 50–51, 69; Александр Орахелашвили, *Интерпретация актов и правил в международном публичном праве*, Оксфорд, 2008 (переиздано в 2013 году), на стр. 414; мое особое мнение по постановлению Большой Палаты Европейского суда от 12 мая 2017 года по делу «Симеоновы против Болгарии» (*Simeonovi v. Bulgaria*), жалоба № 21980/17, пункты 44–45; мое совпадающее мнение с постановлением Большой Палаты Европейского суда от 28 ноября 2017 года по делу «Мерабишвили против Болгарии» (*Merabishvili v. Bulgaria*), жалоба № 72508/13, пункт 31; и мое особое мнение по

не только к существу дела, но и к стадии приемлемости, поскольку он не может быть осмысленно применен только на стадии существования, если доступ к существу дела закрыт на стадии приемлемости. Эффективность Суда всегда должна стремиться и приводить к эффективности прав человека, а не просто к повышению производительности при рассмотрении дел.

42. Целостный подход, который я предлагаю, также важен, потому что без него, не изучая все элементы критерия приемлемости в целом, нельзя быть уверенным в приемлемости жалобы, когда есть некоторые сомнения по этому поводу, т.е. когда возникает сомнение относительно того, следует ли применять принцип эффективности в конкретном случае и признать жалобу приемлемой, или добиваться долгосрочной эффективности Конвенции и отклонить жалобу как неприемлемую из-за отсутствия значительного ущерба.

43. Поэтому предлагаемый целостный подход важен, поскольку он предполагает, что в случае сомнений должен преобладать принцип эффективности, чего не может сделать ни один другой подход, не являющийся целостным. Это также важно, потому что свойство принципа эффективности является гармонизирующим³⁰, и, используя это свойство, достигается максимальная гармонизация между различными сторонами данного положения

(f) Две проверки минимальной степени тяжести

44. Действительно, критерий приемлемости «незначительный ущерб» подпункта (b) пункта 3 статьи 35 по своей природе является своего рода проверкой минимальной степени тяжести (серьезности). Однако это не единственный критерий минимальной степени тяжести, применяемый Судом. Проверка минимальной степени тяжести (порога тяжести) — критерий, не установленный в Конвенции, а, скорее, проведенный Судом, — был необходим Суду еще в 1978 году по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», в котором предполагаемое жестокое обращение подпадает под действие статьи 3 Конвенции. С тех пор, примерно за тридцать два года до вступления в силу Протокола № 14, существовала прецедентная практика, требующая такой минимальной проверки для жалоб по статье 3 Конвенции³¹, которая до сих пор распространялась также на жалобы

постановлению Большой Палаты Европейского суда от 15 декабря 2016 года по делу «Хлайфия и другие против Италии» (*Khlaifia and Others v. Italy*), жалоба № 16483/12, пункты 19 и 53.

30. См. упоминавшуюся выше публикацию Георгиоса А. Серхидеса «Принцип эффективности в Европейской конвенции о правах человека, в частности его связь с другими принципами Конвенции», на стр. 3, 14–15.

31. О пороге, касающемся прав по статье 3 Конвенции, см. Ятака Араи-Йокой, «Шкала оценки деградации: Определение порога унижающего достоинство

по статье 8. Ничто не гарантирует, что он не может быть применен Судом в отношении других статей, хотя в отношении каждого права могут применяться разные соображения о страданиях. И наоборот, критерий приемлемости «значительного ущерба» не ограничивается какими-либо правами человека; следовательно, он может применяться в теории и/или на практике в отношении любого права человека, включая права, гарантированные в статьях 3 и 8 Конвенции. Вопрос о серьезности или степени серьезности предполагаемого нарушения в вышеупомянутых двух контекстах был признан в постановлении Большой Палаты Европейского суда от 25 сентября 2018 года по делу «Денисов против Украины» (*Denisov v. Ukraine*), жалоба № 76639/11, пункты 110–12.

«(iv) Минимальная степень тяжести в предполагаемом нарушении

110. В случаях, когда Суд применяет подход, основанный на последствиях, анализ серьезности последствий оспариваемой меры занимает важное место. Суд рассмотрел вопрос о серьезности или тяжести предполагаемого нарушения в нескольких контекстах. Примечательно, что это было сделано при оценке «существенного недостатка» в соответствии с подпунктом «b» пункта 3 статьи 35 Конвенции как явного требования приемлемости для всей системы прав Конвенции. Суд также последовательно применяет порог строгости в случаях, касающихся статьи 3 Конвенции ...

111. Концепция порога серьезности была специально рассмотрена в соответствии со статьей 8. В экологических случаях, в частности, спорная претензия в соответствии со статьей 8 может возникнуть, когда опасность для окружающей среды достигает уровня серьезности, что приводит к значительному ухудшению способности заявителя наслаждаться своей домашней, личной или семейной жизнью. Суд постановил, что оценка минимального уровня в таких случаях является относительной и зависит от всех обстоятельств дела, таких как интенсивность и длительность причинения вреда, а также его физические или психические последствия для здоровья или качества жизни человека ... Этот подход также применялся в случаях нарушений в соответствии со статьей 8, которые очень похожи на случаи, связанные с окружающей средой, упомянутые выше.

112. Более того, Суд вынес решение о том, что должен быть достигнут определенный уровень серьезности посягательства на репутацию лица, а характер такого посягательства должен оказать отрицательное воздействие на его пользование правом на уважение частной жизни... Это требование охватывает социальную репутацию в целом, а также профессиональную репутацию в частности ... »

45. В связи с вышеизложенным могут возникнуть следующие вопросы: (а) могут ли вышеупомянутые две проверки минимальной степени тяжести применяться в отношении одной и той же жалобы в рамках дела, или может ли применение одной из них в таком случае

обращения или наказания в соответствии со статьей 3 Конвенции», в томе 21/3 «*Netherlands Quarterly of Humanities*» (Нидерландский квартал по правам человека), стр. 385-421 (2003 год).

исключать применение другой; (б) существуют ли совпадения между этими двумя проверками; и (в) используют ли они одинаковые или похожие средства при измерении степени тяжести. Если ответ на любой из приведенных выше вопросов является утвердительным, то может существовать дополнительная причина для применения критерия приемлемости «незначительного ущерба» с большей осторожностью и в качестве единого интегрированного правила для того, чтобы с большей вероятностью обеспечить принцип эффективности.

46. Уместно сначала изучить, как используется критерий минимальной степени тяжести, вынесенный Судом. Он использовался Судом чтобы выяснить, подпадает ли предполагаемое нарушение под действие 3 или 8 статей Конвенции, в зависимости от обстоятельств. И для того, чтобы предполагаемое нарушение было рассмотрено, оно должно достигать минимальной степени тяжести. Похоже, что Суд никогда не определял, что такое «сфера действия» права³². Однако термин «сфера действия», по-видимому, означает обширность области или предмета, с которым связано право или к которому оно имеет отношение. Можно также сказать, что объем права, используемый при проверке минимальной степени тяжести, проведенной Судом, является применимостью права *ввиду обстоятельств*, связанных с предметом рассмотрения. Другими словами, это «субъективное содержание права, которое требует эффективной защиты»³³. Я также считаю, что сфера действия права — это сфера его защиты в более широком смысле, прежде чем поместить ее в какие-либо рамки, а также с учетом цели³⁴ соответствующего положения Конвенции и ее текста, следуя единому интегрированному правилу толкования статьи 31 пункта 1 Венской конвенции о праве международных договоров. Я предполагаю, что при

32. О сфере действия права в целом см. Лорен Лаврисен, «Сфера прав и сфера ограничений», Ева Бремс и Яннеке Герардс, «Формирование прав в ЕСПЧ. Роль Европейского суда по правам человека в определении сферы действия прав человека», Кембридж, 2013, стр. 163–82.

33. Это цитата Йонаса Христофферсена из «Справедливый баланс: Пропорциональность, субсидиарность и первичность в Европейской конвенции о правах человека», Лейден-Бостон, 2009, на стр. 56. Однако эти слова не использовались Христофферсеном для того, чтобы однозначно объяснить, что такое сфера действия права, но, рассматривая принцип эффективности как способ толкования, он, таким образом, использовал их, чтобы объяснить, что «главным вопросом часто будет то, как определить основное содержание прав, требующих эффективной защиты». Для меня этот «главный вопрос» относится и также описывает сферу действия права.

34. В деле, «*касающемся определенных аспектов части закона от 23 июля 1968 года об использовании языков в образовании в Бельгии*» (по существу), I В, пункт 3, Серия А, № 6, тогдашнее Пленум Суда сказал, что «чтобы определить сферу действия права на образование в значении первого предложения статьи 2 Протокола, Суд должен учитывать цель этого положения».

определении объема права (включая его различные измерения) также должны учитываться «намерение»³⁵ и «расширение»³⁶ соответствующего термина в положении Конвенции. Эти измерения термина «намерение» и «расширение» я заимствую из логики и считаю их чрезвычайно актуальными и важными также для толкования юридических терминов, касающихся прав человека. В логике³⁷ «намерение» состоит из основных качеств, свойств или характеристик терминов, а «расширение» состоит из вещей, к которым относится термин³⁸.

47. Таким образом, сферы применения права могут быть представлены в виде круга. Если требование суда о минимальной степени тяжести предполагаемого нарушения рассматриваемого права не достигнуто, то жалоба выходит за рамки права. Однако в соответствии с прецедентной практикой Суда³⁹, когда мера не соответствует жестокому обращению по статье 3, она, тем не менее, может противоречить статье 8. Например, условия содержания под стражей могут привести к нарушению статьи 8, если они не достигают степени тяжести, необходимой для нарушения статьи 3⁴⁰. В таких случаях нужно говорить не об одном, а о двух кругах, где жалоба выходит за пределы защитного круга статьи 3, но попадает в защитный круг статьи 8.

48. Хотя нет никаких сомнений в том, что проведенная Судом проверка минимальной степени тяжести касается сферы действия права, к сожалению, наблюдается непоследовательность в отношении (а) стадии разбирательства, на которой оно возбуждено, т.е. на стадии разбирательства или на стадии приемлемости; и (б) как продвигается работа Суда, когда применяется эта проверка, т.е. в обнаружении, имело ли место нарушение, или заявлении, что жалоба ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения является

35. Или «сопутствующее значение» или «понимание» или глубина.

36. Или «обозначение» или «классификация» или ширина.

37. См. «намерение» и «расширение» в логике: Х. Е. Каннингем, Учебник логики, Нью-Йорк, 1924, на стр. 26–27, 37; А. Вольф, Учебник логики, Лондон, 1938, первое индийское издание, переизданное в 1976, на стр. 323–324; Гораций Уильям Бриндли Джозеф, «Введение в логику», 2-е издание (пересмотренное), Оксфорд, 1916, с. 136, 142–143, 155; В. Стэнли Джевонс, «Принципы логики: Трактат о логике и научном методе, 2-е издание, Нью-Йорк, 1887, стр. 25–26; Эвангелос П. Папаноутсос, «Логика (на греческом языке)», 2-е издание, Афины, 1974, стр. 52–53.

38. Существует обратная связь между «расширением» и «намерением» (см. библиографию в примечании 37 выше), но целью этого мнения не является дальнейшее объяснение этой связи.

39. См., помимо прочего, постановление Европейского суда от 26 сентября 2006 года по делу «Уэйнрайт против Соединенного Королевства» (*Wainwright v. the United Kingdom*), жалоба № 12350/04, пункт 43.

40. См. постановление Европейского суда от 16 декабря 1998 года по делу «Ранинен против Финляндии» (*Raninen v. Finland*), жалоба № 20972/92, пункт 63.

неприемлемой или явно необоснованной. В частности, существует прецедентная практика, в соответствии с которой Суд рассмотрел проверку: (а) на стадии рассмотрения и не установил нарушения статьи 3 Конвенции⁴¹; (б) на стадии рассмотрения, и установил нарушение статьи 3⁴² или статьи 8 Конвенции⁴³; (в) на стадии рассмотрения и отклонил жалобу по статье 8 Конвенции как явно

41. См., например, постановление Европейского Суда от 18 июня 2019 года по делу «Чернега и другие против Украины» (*Chernega and Others v. Ukraine*), жалоба № 74768/10, пункты 149, 154–156; постановление Европейского суда от 16 декабря 1999 года по делу «Против Соединенного Королевства» (*V. the United Kingdom*), жалоба № 24888/94, пункты 70, 79–80; постановление Европейского суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*), жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 122–25, 127–28; постановление Европейского суда от 27 мая 2010 года по делу «Петракидоу против Турции» (*Petrakidou v. Turkey*), жалобы № 16081/90, пункты 61–63; постановление Европейского суда от 24 июля 2001 года по делу «Валасинас против Литвы» (*Valašinas v. Lithuania*), жалобы № 44558/98, пункты 101, 106; постановление Европейского суда от 21 ноября 2009 года по делу «Буид против Бельгии», (*Bouyid v. Belgium*), жалоба № 23380/90, пункты 46, 52; постановление Большой Палаты Европейского суда от 27 мая 2008 года по делу «Н. против Соединенного Королевства» (*N. v. the United Kingdom*), жалоба № 26565/05, пункты 29, 51; постановление Европейского суда от 29 января 2013 года по делу «С. Х. Х. против Соединенного Королевства» (*S. H. H. v. the United Kingdom*), жалоба № 60367/10, пункты 70, 95.

42. См., например, постановление Пленарного заседания Европейского Суда от 18 января 1978 по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), жалоба № 5310/71, пункт 162; постановление Большой Палаты Европейского суда от 15 декабря 2016 года по делу «Клайфия и другие против Италии» (*Khlaifia and Others v. Italy*), жалоба № 16483/12, пункты 158–60, 210–11; постановление Большой Палаты Европейского суда от 28 сентября 2015 года по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), жалоба № 22380/09, пункты 86–87, 111–113; постановление Большой Палаты Европейского суда от 28 июля 1999 года по делу «Селмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, пункты 82, 91–95, 105; постановление Большой Палаты Европейского суда от 23 февраля 2016 года по делу «Мозер против Республики Молдова и России» (*Mozer v. the Republic of Moldova and Russia*), жалоба № 11138/10, пункты 172, 177, 184; постановление Большой Палаты Европейского суда от 11 июля 2006 года по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, пункты 67, 82; постановление Европейского суда от 13 января 2015 года по делу «Эльберте против Латвии» (*Elberte v. Latvia*), жалоба № 61243/08, пункты 125–26, 130, 143; постановление Большой Палаты Европейского суда от 13 декабря 2016 года по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*), жалоба № 41738/10, пункты 150, 155, 174, 178–79, 206.

43. См. например постановление Европейского суда от 9 июня 2009 года по делу «Фадеева против России» (*Fadeyeva v. Russia*), жалоба № 55723/00, пункты 66–67, 79, 92–93, 133–34; постановление Европейского суда от 16 ноября 2004 года по делу «Морено Гомез против Испании» (*Moreno Gómez v. Spain*), жалоба № 4143, пункты 57–63.

необоснованную⁴⁴; (г) на стадии принятия решения о приемлемости жалобы, и не обнаружил нарушения статьи 3 Конвенции⁴⁵; (д) на стадии принятия решения о приемлемости жалобы и отклонил жалобу в соответствии со статьей 8 как несовместимую ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения в соответствии с подпунктом (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции⁴⁶; (е) на стадии принятия решения о приемлемости жалобы, и отклонил жалобу по статье 3 Конвенции как явно необоснованную в соответствии с подпунктом (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции⁴⁷. Такая несогласованность создает жалобы при применении данной проверки, поскольку она касается вышеуказанных проблем и может иметь последствия для существа права; например, одно дело — применить данный тест на стадии рассмотрения и не обнаружить никаких нарушений якобы оспариваемого права⁴⁸, а другое — обнаружить, что жалоба явно не обоснована - на стадии принятия решения о приемлемости жалобы. Также одно дело — применять проверку для полного рассмотрения дела и выявления нарушения или несоблюдения права, и другое — применять проверку только для освидетельствования дела при отсутствии доказательств противного и признания жалобы ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения неприемлемой или даже необоснованной.

49. Функция критерия приемлемости «без значительного ущерба» отличается от критерия минимальной степени тяжести, определенного судом. Этот критерий действует, когда жалоба попадает в сферу действия рассматриваемого права, то есть в круг, описанный выше, после того, как другой критерий серьезности позволяет ей в него вступить. Этот порядок или последовательность применения двух

44. См., например, постановление Европейского суда от 30 апреля 2002 года по делу «Клевер против Норвегии», (*Kleuver v. Norway*), жалоба № 45837/99, пункт 2 (из заключения); постановление Европейского суда от 4 марта 2014 года по делу «Беньямин против Венгрии» (*Benjamin v. Hungary*), жалоба № 36568/07, пункт 4).

45. См., например, постановление Европейского суда от 5 декабря 2006 года по делу «Ойя Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба № 74552/01, пункты 19–27).

46. См., например, упоминавшееся выше постановление Европейского суда по делу «Денисов против Украины» (*Denisov v. Ukraine*), пункты 88–89, 94, 133–34; постановление Европейского суда от 15 июня 2006 года по делу «Шечич против Хорватии» (*Šečić v. Croatia*), жалоба № 40116/02, подпункт «b» пункта 3.

47. См., например, решение Большой Палаты Европейского Суда от 9 сентября 2003 года по делу «Сливенко и другие против Латвии» (*Slivenko and Others v. Latvia*), жалоба № 48321/99, пункты 107–08; постановление Европейского суда от 3 июня 2008 года по делу «Манитарас против Турции» (*Manitaras and Others v. Turkey*), жалоба № 54591/00, пункты 97, 99, 101–02.

48. Например, поскольку заявитель не установил вне разумных сомнений (что является стандартом доказательства, относящимся к уголовному законодательству), что он подвергался обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, что соответствует фактам в упоминавшемся выше постановлении Европейского суда по делу «Петракидоу против Турции», пункты 61–63.

критериев серьезности подтверждается подходом Суда в упоминавшемся выше постановлении Европейского суда по делу *«Денисов против Украины»*, пункты 88–89, 94, 133–134, где Суд отклонил жалобу по Статье 8 как несовместимую *ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения* в соответствии с подпунктом (а) пункта 3 статьи 35, поскольку они не переступили порог серьезности для вопроса, который должен быть поднят в соответствии с этим положением. Впоследствии Суд постановил, что под влиянием этого вывода нет необходимости выносить решение по второму возражению Властей на основании критерия приемлемости подпункта (b) пункта 3 статьи 35.

50. Вкратце, функциональное различие между критерием допустимости «незначительного ущерба» и проведенным Судом критерием минимальной степени тяжести заключается в том, что последний помогает Суду определить, подана ли жалоба в сферу действия соответствующего положения Конвенции и находится ли она в кругу защиты прав. Если жалоба входит в сферу действия права, то есть в круг его защиты, роль критерия приемлемости «незначительного ущерба» заключается в том, чтобы помочь Суду определить, не претерпел ли заявитель какого-либо существенного ущерба. В моем представлении, в кругу сферы права незначительный ущерб может быть отмечен как выпадающий из круга, но тем не менее находящийся очень близко к его периферии и, таким образом, располагающийся далеко от центра круга, где лежит ядро права.

51. Несмотря на их различные функции, можно утверждать, что две проверки минимальной степени тяжести могут действовать как две союзные силы в отношении конкретной жалобы, одна из которых не позволяет жалобе войти в круг защиты прав, а другая — в случае если жалобу удастся ввести в указанный круг — не оставлять ее там (оставив заявление неприемлемым). И, как уже было сказано выше, средства, используемые двумя проверками в их функциях, одинаковы — это степень страданий заявителя: либо ее достаточно, чтобы войти в круг защиты прав (своего рода входной «паспорт»), либо степени страданий оказалось недостаточно, чтобы остаться в кругу. Кроме того, характер оценки этой степени (то есть страданий, причиненных заявителю) в отношении обеих проверок одинаков, а, значит, он является относительным в зависимости от всех обстоятельств дела⁴⁹.

49. Касательно относительного характера проверок согласно подпункту (b) пункта 3 статьи 35 см. пункт 28 постановления настоящего дела. Что касается относительного характера минимальной степени тяжести, установленной Судом, см., в частности, упоминавшееся выше постановление по делу *«Ирландия против Соединенного Королевства»*, пункт 149; упоминавшееся выше постановление по делу *«Ярослав Белоусов против России»*, пункт 121; упоминавшееся выше постановление по делу *«В. против Соединенного Королевства»*, пункт 70; упоминавшееся выше

52. Принимая во внимание тот факт, что действие двух проверок имеет негативные последствия для эффективной защиты прав человека, а также неопределенность, описанную выше в отношении применения проверки минимальной степени тяжести, проведенной Судом, предложенный целостный подход к рассматриваемому критерию приемлемости будет наиболее подходящим: он будет действовать, чтобы не оставлять жалобу за рамками защиты прав, отклоняя жалобу как неприемлемую, если только вопрос не является незначительным и степень страдания заявителя действительно невысока. Несомненно, целостный подход единого, тесно интегрированного правила приемлемости подпункта (b) пункта 3 статьи 35 не будет так негативно влиять на практическую и эффективную защиту права, как любой другой подход.

(g) Последнее соображение

53. Пункт 2 статьи 20 Протокола № 14 предусматривает, что новый критерий приемлемости, не имеющий существенных недостатков, «не применяется к жалобам, признанным приемлемыми до вступления Протокола в силу». Тем не менее, в нем также предусмотрено, что «в течение двух лет после вступления в силу настоящего Протокола новый критерий приемлемости может применяться только Палатами и Большой Палатой Суда». Действительно, спустя два года после вступления в силу Протокола № 14 как Комитет, так и группы единоличных судей применили новый критерий приемлемости, хотя последние применяли его очень редко.

54. Действительно, для Комитетов не составит проблемы применение всех вышеупомянутых принципов, проведении экспертизы по существу дела при отсутствии доказательств противного и применении единого и тесно интегрированного правила приемлемости с гармоничным учетом долгосрочной эффективности Суда и принципа эффективности в конкретном деле.

55. Однако роль отдельных судей в соответствии со статьей 27 отличается: они «могут объявить неприемлемым или исключить из списка дел Суда заявление... в котором такое решение может быть принято без дальнейшего рассмотрения» (пункт 1), и их решение «должно быть окончательным» (пункт 2); но если они не «объявляют заявление неприемлемым или отклоняют его», они должны «направить его в комитет или в Палату для дальнейшего рассмотрения» (пункт 3).

постановление по делу «Чернега и другие против Украины», пункт 149; упоминавшееся выше постановление по делу «Хлайфия и другие против Италии», пункт 159; упоминавшееся выше постановление по делу «Мозер против Республики Молдова и России», пункт 177; упоминавшееся выше постановление по делу «Яллох против Германии», пункт 67; упоминавшееся выше постановление по делу «Папошвили против Бельгии», пункт 174.

56. Как упомянуто в пункте 67 пояснительного доклада к Протоколу № 14, в котором говорится о компетенции отдельных судей, «если такое решение может быть принято без дальнейшего рассмотрения... значит, судья примет такое решение только в четко определенных случаях, когда недопустимость заявления проявляется с самого начала». Добавлено, что: «Последний пункт особенно важен в отношении нового критерия приемлемости, введенного в Статье 35..., в отношении которого Палаты Суда и Большая Палата должны будут сначала разработать прецедентную практику...»

57. Несмотря на предположение о том, что отдельные судьи имеют дело только с четко определенными делами и имеют право направлять дело в Комитет или Палату, их ограниченная компетенция, направленная на принятие решения без дальнейшего рассмотрения, не может ни в теории, ни на практике гарантировать, что принципы эффективности и доступа к правосудию всегда будут надежно обеспечены при применении нового критерия приемлемости.

58. К счастью, мое вышеуказанное беспокойство не относится к настоящему делу, которое справедливо находится в Палате.

59. Тем не менее я ссылаюсь на него, поскольку решил провести тщательный анализ нового критерия приемлемости, а также поделиться своими страхами, связанными с сохранением принципа эффективности и принципа доступа к правосудию в будущем в случае, если экспертиза по существу дела была оставлена без рассмотрения судом. Кроме того, мои опасения распространяются на будущее Конвенции и легитимность Суда, поскольку новый критерий приемлемости, а также критерий минимальной степени тяжести, вынесенный Судом, могут повлиять на центральный элемент, на котором основана система Конвенции, а именно на право индивидуальной жалобы.

5. Применение предложенного подхода к обстоятельствам настоящего дела

60. Из приведенного выше анализа становится ясно, что части подпункта (b) пункта 3 статьи 35 тесно связаны между собой.

61. Поскольку, на мой взгляд, Суд должен рассмотреть имеющееся положение в целом, чтобы принять решение о приемлемости жалобы, я сделал это в настоящем деле, и пришел к тому же выводу, которое указано в данном постановлении, а именно о том, что жалоба является приемлемой. В частности, я считаю: (a) как и в решении, что заявитель понес значительный ущерб в результате административного разбирательства в отношении его участия в мирном собрании; (б) что уважение его права на свободу собраний требует рассмотрения жалобы по существу; и (в) что, хотя дело было рассмотрено

национальными судами, оно, по-видимому, не было «должным образом» рассмотрено в соответствии с требованиями третьей части положения.

62. Следовательно, я считаю, что ни одна из частей этого положения не была удовлетворена в настоящем деле, и по этой причине возражение властей Российской Федерации о том, что настоящее заявление является неприемлемым на основании подпункта (b) пункта 3 статьи 35, было необоснованным и поэтому отклонено.